

Алекс Динго

В огнях полупорки

Алекс Динго

В огнях полуторки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51618458

ISBN 9785449841957

Аннотация

Роман «В огнях полуторки». На двадцатый век выпало немало бурных и значимых, и порой суровых, и иступлённых событий. Взять хотя бы войны. И в них рождались легенды и бывалые герои. Эта история автобиографичная. Она о чести и доблести, о некоторых горестях и несчастьях, о великой и долгожданной Победе.

Содержание

В огнях полуторки	5
Глава первая	7
Глава вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	54

В огнях полуторки

Алекс Динго

© Алекс Динго, 2020

ISBN 978-5-4498-4195-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В огнях полуторки

Алекс Динго

С днём Победы!
За ваше мужество в бою,
За вашу боль, за ваши раны,
За жизнь счастливую мою
Земной поклон вам ветераны!
Сеть.

Глава первая

*С тобой в объезд и напрямик
Прошёл дорог немало я,
Мой знаменитый грузовик,
Полторка бывала
Пусть впереди нас ждут ещё
Опасности и горести,
Грузовичок – фронтовичок,
Гони на третьей скорости!
Ты шёл сквозь мрак и сквозь туман
Лесами да полянами.
Ты весь покрыт, как ветеран.
Осколочными ранами.*

Песня из кинофильма «Репортаж с линии огня».

В чудной, дикой, вечерней дали Литовской ССР вблизи города Вильнюса алел багряный закат. Алое солнце, словно расплывшись, как яичница на жаркой сковороде, ещё висло над лучезарным горизонтом. И добавляло жары в середине августа 1944 года. Но уже не так горячо, как пекло днём. Где – то в окрестностях широких полей, где колосилась дикая золотая рожь, да коротких перелесков веял лёгкий ветерок. Он то появлялся, то куда – то исчезал, как истинный маг и фокусник. Чудный пейзаж разрезало довольно узкое полотно сбитой, глиняной, сухой дороги. Она тянулась долго, далеко и круто виляла на перепутьях да развилках. А то и те-

рялась из виду за пологими горками и холмами. Где – то там, на приличном расстоянии уже вспыхивали негромкие гулы тяжёлых орудий. И местами сковывались томные, дымчатые, сумрачные облака. По избитой дороге небыстро двигалась колонна советской техники. Ею заправляли известные грузовые автомобили Горьковского автозавода, грузоподъёмностью 1,5 тонн – полуторки «ГАЗ-АА» и «ГАЗ – ММ» мощностью 50 лошадиных сил. «ГАЗ – ММ» имел усиленную подвеску и новый рулевой механизм, и карданный вал. Но внешних отличий у этих автомашин не находилось. Грузовой автомобиль «ГАЗ-АА» был выполнен по классической схеме на рамном шасси с рессорной подвеской. Оперение кабины унифицировано с легковым автомобилем «ГАЗ-А». Низким ресурсом отличались дефицитные стартеры с аккумулятором. На редкой автомашине они служили свыше полугода. Поэтому в реальной эксплуатации автомобиль заводили «кривым стартером», то есть рукояткой. Полуторки выглядели весьма симпатично и боевито. Кабина имела деревянно-металлическую основу. Спереди она походила на бойкую усатую мышь. А в целом на мини – трактор. Передний мост держался на двух довольно высоких колёсах. Задний мост имел по два колеса на каждую сторону. Передние пологие стальные крылья напоминали крутые русские горки. А где – то крылья были выполнены из кровельного железа методом простой гибки. На автомобилях использовались и передние тормоза, и откидные боковые борта, и вторая фара головно-

го света. Что было не всегда. Особенно в начале первых эксплуатаций и из-за недостатка тонкой холоднокатаной стали и ряда комплектующих.

Веял лёгкий ветерок. Автомобили, держа небольшую дистанцию, тихонько двигались вперёд. Исправно ревели весьма мощные, горячие, стальные моторы. Благодаря низкой степени сжатия «4,25:1» неприхотливые и ремонт пригодные двигатели «ГАЗ-АА» и «ГАЗ-ММ» могли эксплуатироваться на самых низких сортах топлива, включая лигроин и даже керосин. В тёплое время года и на прогретом двигателе работали и на низкокачественных промышленных смазочных маслах. Водители частенько называли свои автомобили ласково и боевито, как «газик», «полуторка», «полундра». А те не жаловались. Образцом послужил американский грузовик Форд модели «АА» образца 1930 года. Но впоследствии наши конструкторы перепроектировали автомобиль по отечественным чертежам. И был усилен картер сцепления, рулевой механизм, установлен воздушный фильтр. Ещё в 1930 году по советским чертежам спроектирован бортовой кузов. Полностью из советских деталей и комплектующих «ГАЗ-АА» собирали с 1933 года. До 1934 года кабина была выполнена из дерева и прессованного картона, а потом заменена на металлическую кабину с дерматиновой крышей. На дождевых стёклах озарялась реальная действительность. Моторы послушно ревели, играя в оркестр.

Вдали расплывался багровый закат. Светило ещё замет-

нее под село. И уже заметно коснулось горизонта. По однотонному тону – синему небу тянулись блеклые призрачные облака. Они случайно принимали чудные формы. Рисовала дивно сама стихия. Колонна из полуторок всё продвигалась вперёд в сторону польской границы.

Водитель – механик Николай Управителей мчится напропалую 1944 год. Его резвая полуторка «ГАЗ – АА».

Несколько автомобилей тащили тяжёлые орудия в виде дивизионных 76 мм пушек «ЗИС-3». В каждом кузове боевой единицы «полуторки» восседали солдаты – пехотинцы. Они занимали все места. Кто – то, держась за винтов-

ку, спокойно дремал. Кто – то из бойцов, смакуя, тянул сигарку. И дымок плавно взлетал вверх. И не спешил расплыться. А кто – то просто смотрел вдаль. Тут восседали и совсем молодые девятнадцатилетние ребята с молоком на губах, и бойцы среднего возраста, кто видел немало. Имелись и бойцы в возрасте, кто явно знал, что хрен редьки не слаще. Их медные, морщинистые, прожжённые лица, глубокие томные глаза о чём – то говорили и вроде бы устало, но свободно смотрели вперёд. Туда, где заходит солнце, и где мирно плывут облака, и где находится отчий дом, и где живут родные люди, и где светится надежда, вера и любовь. В середине колонны, тарахтя мотором, двигался «ГАЗ-АА». Его кабина и кузов блистали томным защитным цветом. На правом крутом крыле виднелась небольшая вмятина от шального осколка. На дождевом чистом стекле имелась небольшая трещина в левом углу. Но, казалось, неприметной. Чуть набила мошкара на круглые, передние фары. Мотор работал, как часы. Он слегка гудел. За рулём полуторки восседал водитель – механик Николай Андреевич Управителей. Он был родом из Вологодской области. Из небольшого захолустья – маленького городка Кириллова. Ему уже исполнилось двадцать девять лет. На округлой голове на боку сидела пилотка. Значок – красная звёздочка блестела. Лицо белое, – уши большие ровные, стрижка золотистых волос очень короткая, глаза прямые большие выразительные с оттенком аквамарина, где в спокойствии прибывал лазурный залив, нос прямой

греческий, ноздри широкие, рот чуть растянутый, губы полные цвета алого, подбородок двойной. На нём плотно восседала гимнастёрка, на которой имелись значки. И виднелся по бокам белый воротничок на подворотнике. На поясе имелся кожаный ремень цвета меди. Его сцепляла блестящая бляха. В кожаной кобуре таился табельный наган блестящих тёмных оттенков. В верхних нагрудных карманах гимнастёрки лежали документы удостоверяющие личность. В целом сейчас он походил на довольного питона, который плотно подкрепился. Сам имел вид жилистый суховатый, но физически развитый. Николай, чуть двигая руками, уверенно вёл свою полуторку. Он слыл искусным водителем. И знал толк в любой технике. За плечами у него имелись лишь курсы механика – автоэлектрика.

Управителев Николай Андреевич – участник Зимней войны 1940 года, участник и ветеран ВОВ.

Но его, по-видимому, поцеловал бог при рождении, даровав разом все азы умелого механика. Николай ловко закурил папиросу. Он чутко сжал губами золотистый мундштук. И крепкий табачный дымок плавно потянулся в дверное приоткрытое оконце. Глаза чуть сузились. Он чуть поддал газа, нажав на плотную педаль. И полуторка поехала чуть быстрее, послушно слушаясь своего хозяина. Мотор зарычал. Но тут же умолк. На лобовом стекле в кабине красовалась небольшая фотография. На ней изображалась неизвестная, но очень красивая девушка. Она походила на актрису или певицу. Волосы прямые тёмные, глаза выразительные чёрные, нос как пуговка, губы бантиком, брови домикам. Она довольно богато оголяла свою пышную грудь. Словно специально показывая свои пылкие прелести. Фотография нашлась случайно на дороге, где лежало чьё – то в хлам разбитое имущество.

Веял лёгкий, вечерний, августовский ветерок. Багровый закат радовал своим чудным видом. Колонна полуторок тихонько двигалась намеченным курсом по избитой и витой дороге. Виднелись неглубокие сухие колеи. Николай, держась одной рукой за баранку, затянулся табачным дымом. Затем глубоко выдохнул. И тут же бегло глянул по сторонам. Дымок плавно потянулся из кабины. Впереди также

ехала полуторка. В кузове ютились бойцы Красной Армии. Николай бегло глянул на молодого невысокого белокурого паренька, у которого всё лицо красовалось в веснушках. Его выцветшая гимнастёрка чуть пропотела. Тот дремал, держась руками за винтовку СВТ – 40. *«Интересно. Сколько этому парню лет. Девятнадцать. Может, двадцать. Не больше. Совсем ещё зелёный. А вид у него суровый...»*, – подумал водитель. Откуда – то потянулись мелодичные звуки губной гармошки. А мотор полуторки пел свою знакомую песенку. Рядом в кабине «ГАЗ-АА» на кожаном сидении восседал старший лейтенант – командир бригады Николай Евгеньевич Зайцев. Он имел круглое загорелое лицо. И чем – то его лик был похож на мордочку степного орла. Стрижка под полубокс. Глаза большие тёмные, щёки круглые, нос небольшой острый на кончике, губы тонкие сухие цвета белого. Сам в меру упитанный. На вид ему значилось лет тридцать и не больше. На голове плотно восседала фуражка. На ней красовалась большая, красная звёздочка. Томно – зелёная гимнастёрка сидела на нём плотно. Тонкие ремни прилегали к торсу и тянулись к поясу. В кобуре сидел табельный пистолет ТТ. Он чутко дремал, навалившись на заднюю стенку. И, казалось, видел чудный сон.

Веял лёгкий приятный ветерок. Колонна полуторок всё двигалась вперёд по узкой дороге. И, казалось, ей не имеет ни края, ни конца. Долины бесконечные завораживали. Всё тянулись поля да пригорки. И романтический алый закат

манил за собою. Вдали высоко в воздухе замаячили томные точки. Казалось, они приближались. И становились всё объёмнее. Потянулся удушливый гул. Зловеще неслись, как стая коршунов немецкие самолёты «Юнкерсы 87». Одномоторные двухместные пикирующие бомбардировщики и штурмовики живо приближались к намеченному месту. Всего их насчитывалось четыре. Точки в воздухе обрисовались. И появились знакомые формы крыльев типа «перевернутая чайка», фиксированные неубирающееся шасси. Самолёты стремительно приближались.

Веял лёгкий ветерок. Колонна автомобилей приостановилась. Бойцы несколько оживились. Все стали переглядываться. А кто – то смотрел чутко на небо. Игрались алые тонкие лучики в дождевом стекле полуторки. Николай, нажав на педаль тормоза, резко вывернул руль в правую сторону. На его белом лице появилось напряжение. Глаза округлились. Он резко устремил свой взор на небо. Но несколько недоумевал. Он слегка рукой толкнул своего попутчика. Старший лейтенант Зайцев живо пробудился. Глаза заspanные широко открылись. И, казалось, он сразу понял, в чём дело. Командир, открыв дверку, выскочил из кабины. И смотрел зорко на небо. Лицо, как будто окаменело, когда он увидел вражеские самолёты. Те нависли уже над дорогой. И первый штурмовик показал свой грозный рёв сирены при пикировании.

– Воздух... Все в укрытие... Воздух, – громко закричал старшина Павенко.

– АААААА... Бегите... В укрытие...

– Бегите... Воздух...

Веял ветерок. Колонна техники встала на дороге. Где – то впереди пронёсся жуткий гул. И прогремел ощутимый взрыв. Он поднял адскую пыль, которая встала стеной. Одну полуторку кувырнуло. И она загорелась, свалившись в кювет. Вторая автомашина сильно дёрнулась. Её тряхнуло не по-детски. И покатилося переднее колесо по дороге. Потянулся чёрный, бархатный дым из мотора. Лобовое стекло вылетело разом, рассыпавшись на осколки. Водитель Степан Бородов получил осколок прямо в упитанную шею. И кровь густой волной живо залила гимнастёрку. Тот схватился за рваное горло руками. Но быстро замер, грузно завалившись всем телом на руль.

Юнкерс, спикировав, летел на бреющем полёте. Гулко забарабанили его мощные пулемёты. Били трассирующие пули, как две огненные струи. Полетели щепки. Несколько бойцов замерло в кузове. Игнат Кружечкин решил выстрелить из автомата. Но тут же поплатился за решимость. Высокий жилистый рядовой, дав очередь, затрясся всем своим стройным телом. Пули пронзили его насквозь. Гимнастёрка залилась кровью.

– ААААА... ААА, – закричал он.

Рядовой Игнат, покосившись, вывалился из кузова, как каменный столб. И померк, где – то в тени полуторки. А огненные трассы покатались дальше по дороге. И поднимали

пыль. Солдаты, пленённые взрывами, живо побежали за обочину дороги. И таились за молодыми порослями деревьев и кустов. Все метнулись в стороны небольшими группами. Кто – то упал в канаву замертво. Сержант Окунев, прицелившись по летящей цели, выстрелил из «мосинки». Но даже мимо не попал. А сам тут же завалился на спину. Гимнастёрка густо окропилась кровью. Пулевая, дикая, огненная трасса прокатилась по пыльной земле. Юнкерс, спикировав к дороге, сбросил бомбу. И тут же быстро удалился на расстояние. Второй штурмовик дал очередь из пулемётов. Пронёсся жуткий характерный гул, который действовал страшно на нервы. Рёв его только усиливался. Потянуло гарью. Несколько солдат покосились возле дороги. Они не успели скрыться от жутких, свистящих, трассирующих пуль. Юнкерс живо пошёл на второй круг. И можно было заметить лицо Дитриха в кабине пилота. Белый усатый пронзительный лик довольно смотрел на бегущих и разбегающихся в поле солдат. Глаза арийца цвета пивной пены пылали страстью. В них просматривалась быстрота кобры. Он прищурился, крепко держась за штурвал жилистыми руками. Тонкие белые губы натянулись в небольшой улыбке.

Веяло жаром. Вдали колонны разгорался огонь. Тянуло горящим горючим. Где – то на краю прогремел взрыв. Командир бригады Николай Зайцев живо достал из кобуры табельный пистолет ТТ. Он, бегло осмотревшись, чуть пригнулся. Голова ушла в плечи. Глаза невероятно округли-

лись. Виднелся лёгкий шок. Он быстро замахал рукой, глядя на солдат. А те побежали в сторону поля.

– Быстро. Все в укрытие... В укрытие... Все... Быстро, – громко и пронзительно закричал он.

Вновь пронёсся тот противный и зудящий рёв сирены при пикировании Юнкерса. Командир Зайцев, не растерявшись, поднял пистолет в руке. И тут же воздух сотрясли выстрелы. Но цель быстро промчалась по воздуху. И вновь пугала своим видом, заходя на очередной круг.

– В укрытие все... Бегите... В укрытие, – скомандовал командир, живо метнувшись в сторону кювета.

Повеял лёгкий ветерок. Где-то вновь грохнуло не по-детски. Потянуло гарью. Водитель полупорки Николай Управителей машинально схватился за кобуру. И тут же в его руке появился тёмный заряженный наган. Он бегло глянул на него, не торопясь покинуть свою кабину автомашины. Глаза дико округлились. Всё тело обуял жар. Мысли путались. *«Вот сукин сын. Лохматое чудище. Они нам сейчас всю колонну взорвут... Сволочи. Кабан блин безрогий... Я ему сейчас... Сукину сыну... Я тебя моя малышка не брошу... Себя не прощу... Если он тебя взорвёт. Моя полупорка держисьсь...»*, – подумал он. Николай, глубоко выдохнув, живо осмотрелся. Юнкерс, дав круг, заходил на вираж. И был виден невооружённым глазом. Уже начинал пикировать, чтобы открыть огонь из пулемётов. Водитель, живо открыв дверку, выскочил из кабины. И тут же чутко прицелился глазами.

Цель двигались быстро. Она живо приближалась к колонне техники. За штурвалом штурмовика «Юнкерс 87» восседал тот самый пилот люфтваффе – командир эскадрильи Дитрих. Он ехидно ухмыльнулся, заметив нагловатую фигурку.

– Вот что ты задумал. Хочешь отправиться на тот свет красиво. Я тебе помогу русская сволочь... Сейчас ты туда отправишься... Я тебя в упор расстреляю, как куропатку на охоте... «Das ist es, was Sie haben. Du willst schön in diese Welt gehen. Ich helfe dir mit einem russischen Bastard... Jetzt geht es hin... Ich werde dich wie ein Huhn auf einer Jagd erschießen...», – заявил Дитрих.

Веял лёгкий ветерок. Николай широко расставил ноги. Наган, крепко сжимая за рукоять, уложил на левую руку, чтобы стрелять точнее. И прищурил левый глаз, как удобнее. Он сконцентрировался, как мог. И уже не слышал, что кричал командир.

– Колька... Беги... Колька. Он тебя разорвёт. Беги в укрытие. Сукин сын. Я приказываю. Колька. Беги, – закричал старший лейтенант Зайцев, взирая на бойца из укрытия.

Самолёт Юнкерс пикировал. И тут же раздался тот жуткий вой и рёв. Он вводил в ужас и страшил. Но Николай стоял на ногах твёрдо. И пистолет держал наготове. Дуэль состоялась. И первым открыл огонь пилот Дитрих. Мощные пулемёты забарабанили. И потянулись две огненные трассы по дороге параллельно друг другу. Впереди стоявшая полу-

торка заметно покосилась. Дрогнули борта. Полетели щепки в разные стороны. Колёса прожались. Их просто изрешетило снарядами. Самолёт всё сближался и сближался с дорогой и с тем местом, где находился Николай. Он не дрогнул. Хотя страх витал рядом. Его бросило в холодный пот. Затем стало жарко. И по виску покатила струйка пота. Он прицелился. И ждал удачного момента, который можно было не дожидаться. Всё же он решил нанести свой удар. И потянул за курок нагана. Воздух сотрясли выстрелы.

– Вот тебе сучье ты вымя... Получай кабан безрогий... Не смей трогать мою полуторку... ААААА, – отчаянно закричал Николай.

Воздух сотрясли выстрелы. Он бил из нагана до крайнего патрона. Рука чуть дрогнула. Но стоял он твёрдо на своих ногах. Хотя рядом хлестали шальные огненные трассы. И уже досталось слегка полуторке. Дрогнула кабина. Появилось несколько пулевых отверстий. Николай всё стрелял, наводя ствол на вражеский самолёт. И считал пули. А у самого свистнуло что – то над головой. Казалось, чуть пилотка не слетела. Его гимнастёрка живо пропиталась холодным потом. Бросило в жар. Сердце сжалось в груди. Мышцы напряглись. Он всё же стрелял. Пули, засвистев, ударили по фюзеляжу «Юнкерса». И потянулась тонкая дымка, как змейка. И тут резко треснуло стекло кабины. Появилось отверстие. За ним ещё одно. И сразу показалось пятно багряной влаги. Она словно прыснула на лобовую планшетку. Шальная пуля

пробила голову Дитриха насквозь. Она вонзилась ему прямо над правым глазом. И залила очки и маску. Тот тут же потерял управление самолётом. И сам чуть завалился на бок. Хотя руки ещё крепко держали штурвал. Всё же он уже доживал свои минуты. Из рта потекла тонкая струйка крови. Юнкерс, пролетев прямо над полуторкой, показал свои тёмные кресты на крыльях. Быстро удалялся. Он резко накренился и вывернул в сторону. И резво кувырнулся вокруг своей оси несколько раз. Он, пролетев около ста пятидесяти метров, рухнул прямо в поле. Прогремел мощный взрыв. И облако огня высоко поднялось над чёрным обугленным фюзеляжем летательной машины. Потянулся едкий томный дым, который закрутился, как шальной водоворот. И вновь что – то взорвалось. Но уже не так гулко и страшно.

Веял лёгкий ветер. В небе всё затихло. Вдали всё также алел закат. Он был чудесен и манил следом за собой. Словно и не взрывались бомбы несколько минут назад. И не барабанили пулемёты. Воцарилась тишина. Вражеские самолёты живо улетели в сторону западной границы. Они, превратившись в точки, исчезли из видимости.

Водитель Николай Управителей, выдохнув, живо осмотрелся. Сердце ещё билось быстро и не привычно. По виску струился пот. Он вновь выдохнул, уже глядя на место, где упал вражеский самолёт. Его фюзеляж сильно покривился. Тот горел синим пламенем, и пускал вверх тёмный дым. Николай, сняв с головы пилотку, обтёр лицо.

Повеяло вечерней лёгкостью. Дали заворачивали. Солдаты оживились. Все потянулись к дороге. А кто – то не спешил. Решил перекурить немного в поле. Уж больно налегло. На дороге кривилась колонна техники. Несколько автомашин горело синим пламенем. От горючих смесей, которые воспламенились, тянуло тёмной гарью и дымом. Где – то далеко в стороне лежало горящее колесо. Плавилась резина. И тянуло неприятным горящим каучуком. В передней автомашине оживился водитель Меркурий Котиков. Он имел упитанный вид. И сам в целом походил на кота с усами. Глаза круглые цвета зелёных гирлянд. Он имел большой живот. На правой щеке у него показалась кровь. Его чиркнуло битым стеклом, когда то разлетелось на осколки. Но родился он в рубашке. Бомба упала чуть в стороне дороги. Меркурий, открыв дверку, вышел из кабины. В ушах ещё стоял гул. Он недоумённо осмотрелся. И сейчас походил на лося, который вышел из леса и не знал, куда идти. Просто стоял на месте. Он, глядя на дымящуюся воронку, впал в ступор. Мысли путались. *«Мать божья... Как меня угораздило. Я не побегал. Вроде пронесло... Живой...»*, – подумал он.

Веял летний ветерок. На молодых деревьях чуть заколыхалась ещё свежая и зелёная листва. Водитель Николай, держа в руке наган, присел на широкую подножку. Он вновь глубоко вздохнул. Мысли его томили. *«Что на меня нашло? Я не побегал в укрытие. Наверное, испугался за полуторку. За свою боевую подругу. А как ещё? За себя не испугался.*

А за неё испугался. Вон некоторые горят... Я взял да и пальнул по нему... Один своё отлетал сволочь... Будет знать, как обижать... Вроде бы и неживая... Но живая моя полуторка. Она вместе со мной дышит. Вместе воюет. Как её бросить на произвол. Я не мог... Маруся. Целая. Живая. Весёлая моя. И готова ехать дальше. Держись Маруся. Я с тобой. Болото наше...», – подумал он. Николай прислонил руку к переднему крылу полуторки. Он чуть погладил по нему ладонью.

– Держись моя крошка. Прорвёмся, – тихо сказал Николай.

Вдали чудно расплывались яркие облака. Зрел красивый закат. Вечер был в самом разгаре. Веяло приятным ветерком. Где – то подали голоса дикие пернатые. Но утомонились быстро. На дорогу живо вышли бойцы. Все взялись за дело. Командир Николай Зайцев, убрав пистолет в кобуру, живо обошёл полуторку. Он встал напротив водителя Николая. Тот тут же поднялся и встал по стойке смирно.

– Так. Управителей. Ты что вытворяешь? Тебе жить, что – ли надоело. ААА. Я тебя спрашиваю..., – сурово заявил старший лейтенант.

Николай, глядя на лицо командира, слегка вздохнул. Глаза прищурились. Он что – то хотел сказать. Но не решился.

– Молчишь. Да я тебя под трибунал отдам. Я же приказал в укрытие. Ты что ещё и немой..., – заявил командир.

– Товарищ командир... Да задел он меня за живое..., –

ответил водитель.

– Куда задел? Ты ранен?

– Да не в том плане... Я вижу он по нашим полуторкам бьёт... Как зверь дикий. А они тут на дороге, как в тире мишени... Ну я решил ответить..., – ответил водитель.

– Молчать..., – закричал командир Зайцев.

Веял чуткий ветерок. Рядовой Владимир Даниленко показался во всей красе. Сам высокий, стройный, развитый физически. Стрижка гладкая стильная. На боку пилотка. На ней красная звёздочка. Лицо, как у кинозвезды. Глаза выразительные глубокие цвета морской бурлящей воды, взгляд волевой, нос прямой греческий, губы полные с оттенком малины. Рядом с ним стояли Курочкин Виталий и Петя Шимбарев. Витя рослый парень двадцати пяти лет. Лицо чудное. Его фейс чем – то походил на мордочку важного петуха. Глаза веселые, словно пьяные цвета песочного пляжа. Гимнастёрка плотно прилегала к упитанному телу. Пётр молодой и находчивый боец. Ему всего двадцать три года. А лицо, как у школьника восьмиклассника. Глаза цвета ночи прямо горят. Пилотка сидит прямо. Гимнастёрка слегка в пыли.

– Управителев. Да я тебя на губу посажу за такие вольности..., – сказал командир.

– Товарищ командир. Да за что его... Он же самолёт сбил. Ему орден надо дать..., – заявил водитель Владимир.

– Что? Самолёт.

– Да. Правда. Звезду героя. Он же его сбил. Прямо попал,

я видел... – подмигнув, добавил Витя.

– Точно попал. Мастерски...

– Да... Я тоже видел... Подтверждаю... Я прямо видел, как пилот после того, как Коля попал... Тот покривился в кабине... И вон лежит самолёт. Теперь грудa металла. Хаахааа... – ответил Петя.

– Так. Молчать Шимбарев. Даниленко. Ты свою полуторку видел. Дымится вон у кювета. Иди, собирай. Не сделаешь. Отправлю на губу... – строго заявил командир.

– Есть... – ответил Даниленко, отдав честь.

– Шимбарев. Тебя это тоже касается... Шагом марш... – заявил командир бригады.

– Есть... – ответил водитель Пётр.

Повеял лёгкий ветерок. Вдали зрел чудный, багровый, вечерний закат. Небеса пестрили разнообразными красками. Командир, сняв с головы фуражку, чуть прошёлся. Его томные, зализанные назад волосы отдавали блеском. Он горячо выдохнул. Затем остановился, взирая на покорёженный дымящийся вражеский самолёт. И тут же слегка ухмыльнулся. Он бегло, улыбочиво глянул на водителя. Николай всё также стоял на месте по стойке смирно.

– Вольно Николай. Молодец, что попал и сбил самолёт. Я укажу это в документах. Готовься к награде. Молодец. Но приказ надо выполнять... А если бы он по тебе попал. Я бы отвечал... Но в целом молодец. Ты герой... Но смотри у меня... Стрелок ты Ворошиловский... Хаахааа... – спо-

койно сказал командир Зайцев.

– Есть. Служу Советскому Союзу.

– Вольно... Осмотри полуторку. Всё проверь. Выдвигаемся через час. И так отстаём уже..., – волнительно заявил командир.

– Есть... Осмотреть...

Повеял лёгкий ветерок. Командир Зайцев живо зашагал по узкой дороге. Он остановился возле горящей полуторки. Там вверх тянулся смрадный, тёмный дымок. Он вился, как неуловимая змейка. Водитель Николай глубоко выдохнул. Он убрал пистолет в кобуру. И тут же чутко присмотрелся. Он, выпив из фляжки глоток воды, заглотил и слюнку. На багряном лице виднелся влажный блеск. Гимнастёрка пропотела. Спина ощутила холодный пот. Глаза прищурились, взирая вперёд. На дороге кривилась колонна техники. Кое – где лежали неживые бойцы. Вдали тянулся дым. И виднелся в канаве задний мост полуторки. Она стояла, как будто на носу. Николай спокойно выдохнул. Мысли томились. *«Вот же налетели... И почему я не побежал? Да известно почему... Берегу я свою полуторку... Марусю. Просто берегу... В ответе я за неё. Как могу бросить? Но здесь не удержался... Уж больно он прямо на меня летел. Вот же морда. И видел я его физиономию. Смотрел на меня из кабины. Думал, не достану... Индюк тоже думал... Ладно. Надо осмотреть малышку. Он попал по ней пару раз... Всяко движок не задел... Надо проверить... Скоро в путь...»*

И ночь впереди...», – подумал он. Николай живо открыл капот. И тут же решил проверить дыхание любимой полуторки.

Небо потемнело. Властвовала глухая ночь. И всё слилось в однотонную мглу. Лишь вдали виднелись призрачные, красочные и пёстрые озарения. Где – то в стороне на дороге мелькали яркие огни полуторок. Автомобили двигались нескончаемым потоком. Ещё шумели моторами грузовики ЗиС-6. На них располагались орудия реактивной артиллерии со снарядами калибра 132 мм. «БМ-13Н». Ещё виднелись трёхосные грузовики американской фирмы «*Studebaker US6*», ввозимые по ленд-лизу английские и американские полно приводные шасси. Тут же гудел мелодичным и бойким мотором и ЗИС-150. На них также находились реактивные, боевые, артиллерийские, знаменитые установки системы залпового огня «БМ – 13Н». В народе известные как «*Катюша*». По одной версии их так окрестили юные очаровательные сборщицы на заводе «Компрессор». Подругой версии из-за наличия литеры «КА» в обозначении изделий Воронежского завода имени Коминтерна. Третья версия и самая распространённая по названию популярной песни, которую в армейской среде переделали под свой лад. «*Все мы любим душеньку родную Катюшу. Все мы любим, как она поёт. Из врагов выматывает душу. А друзьям отвагу придаёт... Из врага выматывает душу. А друзьям отвагу придаёт...*», – так она мелодично звучала под баян на завалин-

ках. И действительно наши бойцы охотнее шли в атаку, после обстрела врага Катюшами. Ошеломляющая мощь и внезапность появления огневых налётов оказывали деморализующие действие на немецкие войска. Они называли наши установки то Чёрной смертью, то Адовым пламенем. Солдаты третьего рейха чаще всего называли её «*орган Сталина*» из-за звука, издаваемого оперением ракет. Он походил на органные трубы. Звук описывали по-разному, – скрежет, вой, рёв. В зоне поражения буквально всё взлетало на воздух, и земля горела под ногами. Самый мощный снаряд именовался «М – 31». Его солдаты окрестили Лукой по имени героя запрещённой поэмы Баркова. Снаряд весил более девяноста килограммов и содержал около тридцати килограммов взрывчатки. Они легко применялись даже в ходе уличных боёв.

Темнота томила. Колонна тянулась, как вереница. И тут же двигались тяжёлые танки «ИС – 1» и «ИС – 2», бороздя сухую землю своими стальными скрипучими гусеницами. Маячили редкие вспышки. Они озаряли на несколько секунд ночное темное небо. На поляне в ряд стояло несколько полуторок. В дождевых стёклах и круглых фарах отражался огонёк пламени. На завалинке горел костёр. Рядом с ним на мешках да на скамьях восседали водители и бойцы РККА. Кто – то смотрел на огонь и о чём – то мечтал. Кто – то уже сомкнул глаза и дремал, пригревшись теплом огня. А кто – то ещё ждал вкусного ужина. Над огнём на рогах висел ко-

телок. Там варилась тушёнка, разбавленная простой речной водой. И тянулся чудный аромат и пряный дымок. Водитель Владимир Даниленко курил папиросу. Дымок плавно тянулся вверх. Сам он был занят простыми мыслями. И смотрел прямо на огонь. В глазах, как в стекле зеркально отражалась реальность. Боец Даниил Гавриленко дремал, навалившись на мешок. Он чудно укутался в свою телогрейку. А пилотка слезла на глаза. Лицо багряное, упитанное, загорелое. Сейчас у него надувались щёки. И он был похож на дикого хомяка. Водитель Курочкин, сидя на мешке, крутил в руках алюминиевую ложку. Он отвечал за блюдо. И уже успел опробовать его несколько раз. И всё откладывал готовность на пару минут. Шеф знал своё дело. Водитель Шимбарев Петя тайком разглядывал фотографию, на которой красовалась полу оголённая девушка. Он, бегло глядя на лица приятелей, слегка улыбнулся. Кузнецов Егор Меркурьевич жадно курил сигарку. Он пускал дымок, как паровоз. Сам круглолицый. Фейс, как у малодушного бурого медведя. Глаза раскосые цвета медка. На нём смешно топорщилась телогрейка.

Друзья слева направо. Даниленко В., Гавриленко, Управителев Н. А., Кузнецов Е. М., Курочкин В. В., Шимбарев П.

Повеял лёгкий ветерок. Водитель Николай Управителев смаковал самокрутку в мундштуке. Дымок плавно улетучивался в разные стороны. Он смотрел на огонь костра, который разгорался. Пламя чуть колыхал несильный ветерок. Николай держал в руках свой наган. Он тихонько чистил его тряпочкой. Мысли томились. *«Что сегодня был за денёк? Весь день в дороге. На нас напали. Попал и ладно. Знал, что попаду. А командир смягчился. Вот же люфтваффе. Прямо на меня летел... Кабан безрогий. Думал, меня сострунить. Не тут – то было... Сам получил. Хуже не придумаешь. Техника прёт на запад. Есть приказ. И мы двинем следом. Уже через пару часов... Кушать охота... А этот всё варит бестолочь... Морду ему что ли набить. Вот ухарь. Сколько можно пробовать...»*, – подумал Николай. Он живо взялся за патроны. И ловко набил барабан пулями. Затем крутанул катушку. И живо убрал пистолет в кобуру.

– Всё... Готово? – спросил он.

– Ну... Что ты там варишь так долго Емеля... Утомил всех... Я сейчас тебе котелок на голову надену... Небось сам успеваешь за обе щеки кушать..., – живо сказал боец Игнатченко Владимир Яковлевич.

– Братцы... Пускай ещё минутку потомится, – ответил Витя Курочкин.

– Мы сейчас тебя сварим... Хаахаааа...

– Хаахааааа...

– Ну... Бля. Я ему сейчас морду набью сукину сыну..., – заявил Николай Управителев.

– Хаахааааа...

– Да. Парень же старается, – добавил Даниленко.

– Всё... Готово, – сказал Витя.

Повеял лёгкий ветер. Повар Курочкин тут же принял котелок Николая. И живо зачерпнул самодельной поварёшкой горячей тушёнки. Потянуло чудным ароматом. Водитель Николай, получив свою пайку, отошёл в сторону. Он тут же присел на мешок. И взялся за алюминиевую ложку, которая лежала в стенке сапога. Николай, принюхавшись, жадно отведал тёплого угощения. Тянулся ароматный парок из котелка. И еда под открытым небом, казалась, просто божественной. Все бойцы принялись поглощать свой простой, но вкусный ужин. Даже Гавриленко никто не будил. Он сам пробудился, почуяв заветное угощение. Он навалился на свой котелок. И жадно кушал тушёнку. От неё тянулся заметный парок. А затем он появлялся изо рта бойца. Все бегло переглянулись. Николай кушал смешно. Он облизывал ложку. И, казалось, никого не замечал. Но вид был обманчив. Даниленко улыбнулся. Глаза прищурились. Он засмотрелся на лицо Николая. Тот сейчас походил на дикого волка в пустыне, где умело охотился.

– Хаахаааа... Николай... Расскажи, что-нибудь... Только

погорячее и поострее, – приставуче сказал Даниленко.

– Нечего рассказывать..., – ответил Николай.

– Ну... Правда, Николай. Ты у нас бывалый боец. Расскажи историю..., – заявил Гавриленко.

– Что рассказывать. Нечего... Ничего не видел. И не знаю ничего..., – буркнул Николай Управителей.

– Да не упрямясь Коля. Расскажи про финскую войну. Ты же там был... Участвовал в каком там году... ААА..., – добавил Шимбарев.

– Ничего не было. Не видел...

– Вот же человек упрямый... ААА... Ну, расскажи... Будь другом..., – решительно добавил Гавриленко.

– Коля... Ты же участвовал в той зимней войне... Мы же знаем... Расскажи какую-нибудь историю... А мы послушаем... ААА, – сказал Даниленко.

– Вот пристали. Был я там... А ничего не видел... Там всё закончилось уже, когда я туда пришёл... Ничего не было при мне... Наши войска в Выборг уже зашли... Чего тут рассказывать?..., – резко ответил Николай, жуя тушёнку.

– Эх. Николай. Николай. Сиди дома, не гуляй, – огорчённо сказал Гавриленко.

– Хаахааааа... Во даёт... Да ну его...

– В общем, он, видать, писарем был при штабе... Ничего не видел, ничего не слышал... Герой одним словом... Хаахаааа..., – навеселе заявил Гавриленко.

– Хаахааааа...

– Вот поржут... Горынычи..., – подумал Николай.

– Давайте, я вам лучше анекдот расскажу... Вот слушайте..., – заявил Егор Кузнецов.

– А давай... Валяй...

Повеял лёгкий ветерок. Он чуть всколыхнул пламя костра. Кругом гуляла темнота. Водитель Николай Управителев, уминая за обе щеки тушёнку, смотрел прямо на пламя костра. В глазах налился огонёк. Он бегло глянул на лица боевых приятелей. Водитель Даниленко чуть улыбнулся, не сводя глаз с верного товарища. А тот, как ни в чём не бывало, кушал тушёнку. И смотрел в одну точку. Он смотрел на то, как разгоралось пламя. И такое занятие не надоедало никогда. Николай быстро облизал ложку. Глаза чуть прищурились. Он, казалось, не слышал, о чём вели беседы приятели. Он закурил самокрутку. И дымок быстро полетел над его головой в неизвестность. Губы крепко сжали золотистый мундштук. Он всё смотрел на пламя, которое то и дело дрожало и колыхалось. Костёр горел, и трещали обгоревшие деревинки. Высоко в воздух подлетал белый пепел. Бойцы, сидя на завалинке, корчили рожицы и просто веселились. Анекдот показался им смешным. Боец Шимбарев даже схватился за живот руками. Так стало весело ему. Даже котелок кувырнулся вверх тормашками. Но всё же он успел поставить его на место. Но немного тушёнки разлил. Бойцы немного успокоились. Но тут же началась вторая волна дикого веселья. И весёлый хохот был заразителен.

Глава вторая

Ночь глухая шептала тихие мелодии. В высокой траве тихо трещали кузнечики. На завалинке горел костёр. Трещали тихо сучья, уже превратившиеся в чёрный уголь. Мерцали красные угольки. Язык пламени чутко раскачивал лёгкий ветерок. Неподалёку мелькали огни двигающейся бронетехники. Доносился привычный гул моторов. Водитель Николай Управителей всё смотрел и смотрел на огонь костра. В его глазах плясало чудное озарение. Он, задумавшись, вспомнил тот недалёкий тысяча девятьсот сороковой год. Тогда он был отправлен на фронт Зимней войны, где разгорались баталии с белофиннами. Ему уже исполнилось двадцать пять лет. Он, взирая на пламя костра, живо перенёсся в те бушующие, но уже призрачные времена. Он словно вновь там побывал, уйдя в свой глубокий внутренний мир. Он вспомнил всё.

Февральское небо 1940 года пребывало в однотонных холодных красках. Порошил снег. Веял чуткий прохладный, плотный ветерок. Месяц клонился к экватору. Местность холмисто-котловинная на Карельском перешейке, где сосредотачивалась финская линия обороны Маннергейма, утопала в снегах. Она незаметно тянулась на сто тридцать пять километров от Ладожского озера и до Финского залива. И имела десятки оборонительных узлов в виде огневых точек —

дзотов и дотов. Они уходили и в глубину на несколько километров. На территории повсюду имелись крупные лесные массивы. Десятки средних и малых озёр и рек таились в чудном ландшафте. Их болотистые или каменистые крутые берега выглядели и опасно и красиво. В лесах повсюду каменистые гряды и многочисленные валуны крупных размеров. Рельеф местности выглядел причудливо и красиво. Кругом на широких полянах раскинулась белая шапка. Падали с матового неба редкие снежинки. Они слегка кружились. Среди белого пейзажа серели и косились только тоненькие осинки. И те уже заметно исчиркало снарядам. Ещё чернели противотанковые надолбы из тяжёлых камней. Они стояли в определённом порядке. Имели пирамидальный вид. Косились и деревянные столбы. Они также служили неким заграждением танкам. Висели кругом проволочные острые сети. Виднелись на несколько десятков метров. Колючая проволока местами косилась и уже прорвалась от тех же снарядов и мин. Вдали среди белого снега серела бетонная крыша дота «SJ-5». Его укрепления держала отдельная бригада белофиннов. Ими руководил коренастый полковник Густав Баду. Он имел суровое, гладкое, белое лицо. Носил длинные белые усы. Глаза ледяные цвета солода, как у хищного сыча в холодной лунной ночи. Его фейс походил на мордочку разъярённого, кошачьего, дикого лемура. На нём плотно сидел белый маскировочный халат. На поясе висел ремень и кобура. Там таился личный пистолет «маузер», пода-

ренные ему самим главнокомандующим финскими войсками маршалом Карлом Густавом Маннергеймом.

Веял чуткий, холодный ветерок. Прямо на заградительных камнях чуть вздымаясь, стоял советский трехбашенный средний танк «Т-28 Э». На броне имелась незначительная брешь. И тянулась вверх тоненькая дымка, как змейка. Его короткоствольная пушка калибром 76,2 миллиметров смотрела прямо на вражеский дот. Стрелок Пётр Ломов, держа на прицеле укрепления, ждал указаний от капитана бронемашин. Тот выжидал сигнала. Тимур бегло осмотрел территорию в смотровое окно. Лицо белое в саже напряглось. Глаза цвета неба прищурились. Он заглотив слюнку. На нём плотно сидел томного оттенка комбинезон. *«Сейчас мы вам покажем медные трубы... Вон наши проволоку режут... Там в стороне несколько танков подорвались на противотанковых минах... Сволочи... Ничего. Мы вам сейчас врежем по самые помидоры... За Ваську Бурова вы мне лично ответите...»*, – подумал он.

– Тихо Пётр... Ждём сигнала... Успеешь пальнуть... Держи на мушке гадов... Как сигнал подадут бей прямой наводкой по бункеру... А там посмотрим..., – сказал командир танка.

Веяло холодом. Порошил снежок. И снежинки чудно кружились. Казалось, даже немного блестели и сверкали. Командир пехотной стрелковой дивизии Всеволод Гармонин чутко смотрел в бинокль. Глаза слегка шальные цвета бур-

ной реки наострились и прищурились. На золотистом тулупе натянулись ремни. На поясе тёмная кобура. А там табельный пистолет ТТ. Лицо медное. Кожа вся в небольшой, малозаметной щетине. На голове шапка – ушанка. Там красовалась красная звёздочка. *«Так. Вижу бойцы проволоку перекусили... Подали знак... И дальше поползли. Сейчас будет путь свободен... По сигналу ударим по бетонному бункеру и в атаку... Слева перелесок томный... Не нравится он мне... Видал я уже здесь такие... Как бы нас оттуда ещё не встретили... Ладно. Прорвёмся... Тихо – то как... Не стреляют уже пару минут... Что – то задумали... А может, боекомплект выдохся... Но мы сейчас поднажмём... И посмотрим, кто там такой смелый...»*, – подумал командир Всеволод.

– Бойцы... Приготовиться к атаке... Примкнуть штыки. Всем приготовиться к атаке, – громко закричал командир.

Повеяло неприятным холодом. Всё порошил снежок. Бойцы слегка оживились, лёжа на снегу. Кто – то находился за крутыми большими камнями. Кто – то таился за подбитым танком «Т – 28 М». Кто – то успел окопаться снегом и создать искусственные пригорки вокруг себя. А кто – то укрывался за небольшими, древесными горками. Вася Пчелин, находясь на небольшом снежном уклоне, держал в руках Красное Знамя. Сам молодой. Ему недавно исполнилось двадцать три года. Лицо белое. Глаза раскосые цвета золотистой икры. Он бегло осмотрел поляну, которая тянулась

впереди. И глубоко выдохнул. Он быстро передёрнул затвор винтовки «мосинки». Рядом находился боец Тимофей Губин. Родом из глухой деревушки. Он имел грубые черты лица, – глаза большие цвета мёда, нос витой, губы сухие с оттенком сажи. На нём плотно сидел бушлат. В руках крепко сжимал автоматическую винтовку «Токарева» СВТ – 40. Он слыл ярым охотником. И был отчаян и храбр в бою. Он слегка отморозил себе левое ухо, когда укрывался от финского снайпера. Ему пришлось лежать около семи часов. И голову плотно прижимать к снегу.

Веяло холодом. Кружили снежинки. За 45 миллиметровой пушкой таились бойцы. Среди них находился и рядовой Николай Управителей. Он бегло глянул вперёд, где на расстоянии грозно смотрелась бетонная шапка в виде передового укрепления. А белая низина пребывала в камнях и кольцах, на которых висела колючая проволока. Но местами она уже сильно прогибалась. А где – то и вовсе пропала. Поле, избитое снарядами, пестрило небольшими тёмными воронками. Николай живо заметил путь, по которому лучше бежать. На нём плотно восседал меховой тулуп. Белый меховой воротник облеплял всю шею. На голове восседала раскрытая будёновка. На ней красовалась красная звёздочка. Белое лицо бойца имело схожесть с мордочкой хамелеона, который собирался резко рвануть вперёд. И показать свою прыть. Николай, выдохнув, крепко сжал винтовку трёхлинейку образца 1891 года калибра 7,62-миллиметра. И лов-

ко надел на ствол острый штык. Затем вновь оценил спокойным взглядом окружающую, заснеженную местность. *«Сейчас в атаку пойдём... Что – то затихло всё... Не нравится мне это... Тихо как – то... Тишина перед бурей... Вот же кабаньи безрогие... Что они там задумали? Бежать надо тем путём. Там, где танк стоит... До туда верно добежать можно... А дальше посмотрим, как действовать... Захватим этот скат. Наша победа будет сразу...»*, – подумал он. Рядом с ним все бойцы примкнули штыки к винтовкам. И ждали команды от ротного офицера. Все переглянулись. Виднелось лёгкое волнение. Среди прочих выделялся громила старший сержант Парфений Поддубный. Он был пушкарём. И когда надо, чутко смотрел в прицел своего тяжёлого орудия. Сейчас лежал на своей широкой спине и смотрел на томное, однотонное небо. Из широкого рта тянулся парок. Глаза большие, цвета хмеля не двигались. *«Пушка на цель наведена... Я готов стрелять. Жду команды командира. Выстрелю и побегу со всеми в бой... Всё равно один фугасный три осколочных снаряда осталось... Лучшие в атаку со всеми... Там от меня больше пользы... А то начнут палить из миномётов... Лучшие бежать в атаку...»*, – подумал он. Боец Парфений подтянул к себе винтовку «мосинку» со штыком. Он быстро передёрнул затвор. И живо развернулся на живот, чтобы быть готовым к стрельбе из пушки.

Повеял заметный холодок, который гнал северо-западный ветер. Разведчики, достигнув края склона, подали сигнал.

Командир Всеволод Гармонин, взирая в бинокль, быстро глянул на бойцов – разведчиков, на бетонный бункер. Затем живо достал из кобуры табельный пистолет ТТ. И крепко сжал стальную ручку своей широкой ладонью. Лицо напряглось. Глаза округлились. Он, оставив бинокль, быстро глянул на лица своих пехотинцев. Его комдив Филимон Ткаченко дал сигнал на взятие бункера. Он стальным прутом ударил по броне танка. «Т-28 Э» тут же дал залп. Бронемашина чуть дёрнулась. Воздух сотряс гулкой выстрел. И сразу пальнул Парфений из лёгкой, противотанковой пушки. В холодном воздухе зависло томное облако дымка. Снаряды со свистом понеслись в сторону цели. Бетонный дот дрогнул. Посыпались небольшие камни, вмонтированные в стены. Внутреннее помещение бункера быстро заполнил дым и гарь. Финский невысокий, пучеглазый пулемётчик Яси Олонен от ударной волны отлетел в сторону. И сильно ударился об бетонный пол. Ему крепко досталось осколком гравия по белокожему лицу. Его соратники, оглушённые звуковым ударом, разбежались в разные стороны. А кто – то был ослеплён удушливой пылью. И потянулся редкостный дымок.

Повеял морозный ветер. Командир Всеволод Гармонин живо поднялся на ноги. И тут же махнул рукой, в которой сверкал пистолет ТТ. Воздух сотрясся выстрелом. Сам он твёрдо зашагал вперёд. Бойцы живо поднялись в атаку. И все стремительно побежали по избитому, заснеженному склону.

Рядовой Николай Управителев крепко сжал руками винтовку. На пике блестел острый штык. Сердце забилося быстро и неровно. Из рта потянулся видимый парок. Дышал быстро. И живо бежал по снегу. Он стремительно миновал несколько колючих заграждений в виде проволоки. Они уже прогибались, как верёвки, на которых висло бельё. Рядом мелькали фигуры. Все бежали вперёд, позабыв о всяческом страхе.

– Ууууурррааааа, – закричали бойцы.

Холодный воздух сотрясся гулким снарядом вражеского миномёта. И где – то на дальнем крае бетонного укрытия забарабанил пулемёт. Грохнуло где – то позади. Затем ещё ближе. Снежная пыль высоко поднялась, образуя витую стену. Загудело в ушах. Несколько бойцов, нырнув в белую пучину, погрязли и исчезли. Кто – то покосился и завалился на бетонную глыбу. Вновь рвануло на правом фланге. Снаряд вырвал несколько кочек из стылой земли. И всё перемешал со снегом. Белая пыль вздыбилась, как вороной конь от удара хлыста. Боец Егор Налимов чуть подлетел в воздухе. И живо навалился на деревянные столбики. Он поник, находясь в одной замкнутой позе. Рядовой Кузьма Шубин получил удар волны от снаряда в спину. Его как будто толкнули. И тут же засвистели пули. Одна шальная дуля пронзила плечо. Брызнула кровь на белый снег. Кузьма тут же завалился на растянутую колючую проволоку. Она впиалась ему в жёсткий тулуп. И слегка коснулась шипами тела. Он ощутил жгу-

чую боль. Она отразилась на его медном лице. Grimаса говорила сама за себя. Пули пулемётные прокатились по белой полянке. И срезали, как ножницами рядового Парамона Родионова. Шальные дули пробили обе ноги чуть выше колена. Штанина сильно окропилась кровью. Сам боец, как будто нырнул в снег. И больше не появлялся. Он сильно руками сжал винтовку. Лицо напряглось. Рот покривился. И показались во всей красе белые зубы. Глаза большие, цвета прозрачного одеколona горели. Он всё же стерпел жуткую боль.

– ААААА... ААА, – истошно закричал он.

Веял холод. Чуть порошил снег. Парамон, продолжая бороться, прицельно выстрелил из винтовки. И тут же завалился на спину. Он больше не мог двигаться. Рядовой Самсон Кошкин завалился на снег, рядом с раненым. Он живо достал из сумки бинты. И тут же решил их применить.

– Потерпи братец... Сейчас я тебе рану перевяжу. Только сначала надо жгут затянуть повыше... На полчаса. Время засекай..., – сказал санитар Самсон.

– ААААА... ААА..., – застонал Парамон.

Веял холодный ветер. Всё порошил редкий снежок. На поле брани гремели взрывы. И вновь воздух гулко сотрясся. Несколько раз ударило чуть позади наступающей пехотной батареи. В ушах загудело. Вверх вздыбилась серо-белая пыль. Потянуло морозной гарью. Засвистели шальные пулемётные пули. Кто – то вновь покосился на правом фланге, как поломанная ель. И живо погряз в снежной массе. Рядо-

вой Николай Управителев живо бежал по снегу. Он ловко перескочил через каменный вал. Затем замял ногами сетку, которая заметно провисала. За ним тут же поспевали боевые приятели. Впереди тоже бежали в атаку. Николай, пригнувшись, живо метнулся в сторону подбитого танка. Сам согнул спину. Голова ушла в плечи. В руках он крепко сжал винтовку. Глаза округлились, как у хищного филина. Сердце сжалось в груди. Но страха не показывалось. Рвануло где – то совсем рядом. В воздухе пронёсся адский свист миномётного снаряда. Бойцы двинулись ещё живее. Их накрыла дикая шальная волна взлетевшей белой пыли. Митрофан Кунев дёрнулся, находясь впереди атакующего шестивия пехотинцев. Он заметно покосился. Шальная пуля угодила в мягкость левого плеча. Он потерял ритм движения. И тяжело задышал. Кровь окропила тяжёлый бушлат. Он тяжело рухнул на снег.

– АААААА, – тихо закричал он.

Повеял лёгкий, морозный ветерок. Николай первым метнулся в сторону раненого. Он, склонившись, помог тому подняться. Бойцы подсобили. Все живо укрылись за подбитым танком. И тут же прогремел взрыв неподалёку. Вверх потянулось белое, дымчатое облако. И запахло горелым толком от снаряда. На белой земле показалась тёмная узкая воронка. Бойцы затаились, чтобы перевести дух. Они бегло переглянулись, ощущая свою везучесть. Воздух вновь сотрясся от взрывов. Засвистели пулевые трассы. Они ударили по бро-

не танка. И показалась искра. Она мигом исчезла.

Веял холод. Чуть порошили редкие снежинки. Боец Вася Пчелин, держа в руках Красное Знамя, укрылся за высоким камнем. И тут же быстро побежал, миновав колючую проволоку, которая утонула в снегу. Прогремел за спиной взрыв. За ним ещё один снаряд разорвался. Белая пыль, разлетевшись, всё накрыла вокруг. Но бойцы двигались к цели. Везде мелькали бегущие пехотинцы. Кто – то покосился возле одинокой косо́й сосенки. Знаменосец Вася, выдохнув, сильно прогнул гибкую спину. Его меховой тулуп на спине окропился густым, багряным пятном. Шальная, но точная пуля снайпера поразила бойца. Он ещё продвинулся вперёд на несколько метров. Но всё же ноги покосились. Он грузно упал вперёд себя на снег. Голова плотно уткнулась в снежную массу. Вася скончался от жуткого огнестрельного ранения. А черенок знамени крепко держал в руке. Боец Мисаил Егоров чуть приостановился. Глаза цвета угля округлились. Лицо белое напряглось. Он, склонившись, развернул рядового Василия. Тот уже не дышал.

– Васёк... Вот сволочи... Знамя..., – произнёс он.

Мисаил выхватил знамя из рук неживого бойца. И тут же рванул вперёд. Широкое красное полотно раскрылось. Показалась звезда, серп, молот. Плотная ткань затрепетала и распрямилась. Мисаил чуть пригнулся. Голова ушла в плечи. Всё сжалось внутри. Где – то за спиной со свистом рухнул миномётный снаряд. За ним ещё один упал. Вверх подле-

тела бело-серая пыль. В ушах зазвенело. Засвистели шальные пули над головой. Рядом покосилась бегущая фигура. И грузно рухнула в снег. Боец Мисаил, выдержав паузу, живо метнулся вперёд. Он набрал в лёгкие морозного, плотно-го кислорода. И крепко держал Красное Знамя в руках. Воздух сотрясся гулким выстрелом. Бил снайпер Яки Салонен из перелеска. Он восседал на высокой ели в засаде. Сам упитанный и коренастый. Лицо белое. На ней восковая маска. Глаза тёмные, круглые, как у домашнего кота. Нос небольшой острый в конечной точке. Щёки румяные. На нём плотно сидел маскирующий белый халат. В руках крепко сжимал снайперскую винтовку «Мосина». Он вновь выстрелил, взяв на мушку цель. Пуля пробила пояс Мисаила. И показалось пятно крови на тулупе. Он грузно завалился на снег. Но был живым. Рана тяжёлая жглась. И переполняла болью всё тело.

– ААААА... ААА, – закричал Мисаил, уткнувшись лицом в снег.

Веял холодный ветерок. Мороз был тридцать градусов. Вновь прогремели миномётные снаряды. Белая земля словно запрыгала. Вверх потянулось темное облако дыма. Советский танк «Т – 28 Э» выдал очередной залп огня. Снаряд гулко засвистел. И ударил прямой наводкой по бетонной башне бункера. Вверх потянулась белая дымка. Вражеский пулемёт дота замолчал. Белофинские стрелки разбежались в разные стороны. Потянуло гарью. Каркас из бетона заметно сотрясся. Стройный офицер Ранта получил осколком

гравия по белокожему лицу. Его тонкие тёмные усики словно обломались. Удар был хлестким и стремительным. Рана оказалась глубокой. Полилась кровь. Ранта, схватившись руками за лицо, живо выбежал из дота. И, казалось, потерял ориентиры. Он навалился на бетонную стену. Боль томила страшно, забираясь в глубины души. А кровь всё текла тонкой струйкой.

– АААААА..., – закричал он.

Невысокий стрелок Хоси подбежал к офицеру, держа в руках сумку – аптечку. А тот оттолкнул санитаря. Его испепеляла боль.

– АААААААА...

Повеял холодный ветер. Порошили редкие снежинки. Командир Всеволод Гармонин, укрывшись за каменной надолбой, выстрелил прицельно из пистолета ТТ. Бил прямо по бойнице бетонного дота.

– Рота... В атаку... Вперёд... Все вперёд, – громко закричал он, пуская парок.

Воздух сотрясся гулкими взрывами. Вверх взлетела снежная пыль. Бойцы живо метнулись вверх по заснеженному склону. Кто – то валенками зацепился за колючую проволоку. И упал грузно. Рядовой Николай Управителей живо побежал по холму. Глаза округлились. Уже близилась позиция белофиннов. И открылась виду серая, бетонная установка дота. Сердце билось быстро. Из рта тянулся парок. Всё нутро сжалось. Под ногами кривилась растянутая, колючая про-

волока. Она местами просто утопала в снегу. Кругом косились небольшие столбики. Кто – то из бойцов, дёрнувшись, схватился за шею. И так повалился взад себя, как будто его тело заледенело. Все бойцы побежали ещё быстрее. Николай, крепко сжимая рукавицами винтовку, в числе первых достиг вражеской траншеи. И тут же воспользовался своей быстрой реакцией. Он выстрелил прицельно из «мосинки». Воздух сотрясся. Пуля пронзила неразвитый торс белофинна Акиранту. Лицо белое поблекло. Глаза круглые устремились в одну точку. Тот, отскочив в сторону на земляную стенку, замертво завалился на дно траншеи.

– АААААА... ААА, – громко закричал Николай.

Повеял холодный ветер. Белофинн Сями, глядя на неприятеля, выстрелил из винтовки. Он нажал на курок в тот момент, когда Николай уже ударил. И ствол отошёл в сторону. Пуля взвизгнула, улетев в воздух. Рядовой красноармеец с ходу приложился стальным прикладом по лицу недруга. У того даже челюсть отъехала в сторону. И глаза цвета меди поблекли. Глазные яблоки прямо закатились. Из рта потекла тонкая струя крови. Сями завалился, как кукла на снег. Коренастый, развитый белофинн Кимо бросился, как вепрь на неприятеля. Он крепко сжал в руке блестящий большой кинжал. Но Николай встретил того как подобаемо. Он умело выставил перед собой штык. И мигом проткнул тело Кимо насквозь. Тот согнулся, ощущая жуткую боль. И тут же рухнул на дно траншеи. А Николай по-

бежал дальше, как окаянный. Казалось, он немного озверел. Глаза округлились. Губы плотно сжались. Белофинн Гумка, бросив оружие, живо побежал наутёк. Сам жиденский, невысокий солдат. Лицо белое. Он носил тонкие, тёмные усы. Но Николай быстро нагнал неприятеля. Он, ударив винтовкой, посадил недруга на штык. Тому пробило бок насквозь. Маскхалат залился кровью. Солдат Гумка изогнулся. И руки потянулись назад, точно он хотел обнять свои лопатки. Тут выскочил из укрытия высокий со смуглым лицом пехотный стрелок Лярки. Глаза сияли. Он выстрелил из винтовки. Воздух сотряс гулкой выстрел. Пуля чиркнула Николая по плечу. И слегка прожгла его меховой тулуп. Он прижался к промёрзшей стенке траншеи.

– ААААА... ААА, – закричал Николай.

Повеяло холодом. Красноармеец Панфил, чуть пригнувшись, применил свою винтовку «Токарева» СВТ – 40. Воздух сотрясли выстрелы. Белофинн Лярки дрогнул, приняв на свой торс несколько пуль. И тут же грузно завалился на спину. Его белый маскхалат окропился кровью с двух сторон. Пули пронзили тело насквозь. Он поник на дне траншеи. И тут же на левом фланге закипел бой. Бойцы просто ныряли в траншею. Рядовой Василий Игнатенко, обладая невероятной силой в руках, просто поднял невысокого белофинна Сими на штыке винтовки. Тот замотал руками. И схватился за будёновку. Из рта пустил кровь. Но всё четко. Василий бросил соперника на дно траншеи. Сам тут же

получил пулю в плечо. И навалился на застывшую стенку. Его приятель рослый деревенский мужик Селиван Буров выстрелил из винтовки «мосинки». И точно попал в торс упитанного финна Ёски. Белый маскхалат живо залился пятном густой крови. Молодой боец Красной Армии Устин Утюгин принялся голыми руками душить белого офицера. Он просто сбил того с ног. А тот лишился табельного пистолета, из которого отстреливался. Охтихи сопротивлялся не на шутку. Сильно замахал короткими руками. Глаза цвета соды, лютые округлились. Устин сильно сжал руки на шее неприятеля. Тот захрипел. Лицо покрылось багряным оттенком. Но сопротивлялся жутко. И сумел выхватить нож из кобуры. Ударил без взмаха. И несильно поранил армейца в бок. Тот завалился на спину. Офицер Охтихи живо поднялся на ноги. Но тут же получил плотный удар стальным прикладом по лицу. Казалось, его голова треснула. Глаза потемнели и залились кровью. Белый офицер тут же покосился. Боец Наум Варламов, пробегая мимо, ударил неприятеля штыком в бок. Тот тут же завалился на дно траншеи. И без того был нежилец. В траншее гулко разорвалась ручная граната. Несколько бойцов и белофиннов разлетелись в разные стороны. Вверх потянулось темное облако дыма. Запахло взрывчаткой. Кто – то громко застонал, прося помощи.

– АААААА... ААА...

– Бей гадов... В атаку... Мочи узурпаторов...

– АААААА...

Веял холодок. Вновь прогремел взрыв от ручной гранаты. Командир Всеволод Гармонин поднялся на высокий уступ траншеи. Он прижался спиной к бункеру. И тут же применял свой табельный пистолет. Воздух сотрясли выстрелы. Он, тяжело дыша, несколько раз выстрелил в бойницу. Затем резко развернулся. И выпрямил руку. Белофинн Сорти появился неожиданно. Он кинулся со штыком в руках на красноармейца Фёдора Боброва. А тот не заметил опасности. Командир выстрелил. Пуля, просвистев, вонзилась в спину Сорти. Он, изогнувшись, развернулся. И бегло глянул на Всеволода. Затем навалился на стенку траншеи. И только после этого нырнул на стылую глубину.

Рядовой Северьян Дойкин, крепко сжав ручную гранату, живо побежал по застылой земле траншеи. Его прикрывали бойцы мотострелковой дивизии. Они синхронно выстрелили из винтовок. Несколько белых фигур покосились и упали на дно земляного укрытия. Брызнула кровь. Вперёд вышел боец Онуфрий Тамаров. Сам высокий, широкоплечий. Руки, как коромысла. Он работал на железной дороге. Вбивал каждый день молотом сваи и стальные клинья, соединяя мосты. Лицо медное, грубое. Глаза львиные с оскалом. На щеке небольшой шрам от недавнего ранения. Он родился в глухой деревне Крылово. Там он постоянно избивал ровесников в боевом кружке «Забавушка». Но бил по-настоящему. А те на него дико злились. Но ответить сильно не могли. А он резвился, получая от драки несказанное удоволь-

ствие. Сейчас он вышел вперёд. И проткнул своим штыком невысокого белофинна Юхона. Тот затем отлетел в сторону. И, схватившись руками за живот, упал на дно траншеи. Боец Онуфрий же резко схватил за грудки стрелка Отто Пети. И тут же с размаха кулаком ударил того по белому лицу. Затем ещё раз врезал. И ещё раз опустил свою бетонную руку на лицо Отто. Потекла струйка крови изо рта. Глаза затекли. Появились оскомины и синева на коже. Тонкие усики Отто окропились багряной влагой. Он сам онемел. Тело отяжелело. Руки повисли. Рядовой Северьян Дойкин вышел на свободный рубеж. И, прицелившись, бросил гранату прямо в котлован, где находилось вражеское миномётное орудие. Финские стрелки растерялись. И тут же прогремел мощный взрыв. Даже уши заложило у Северьяна. Он прижался к стылой стенке траншеи. Белофинны разлетелись в разные стороны. Кто – то высоко взметнулся. Словно хотел показать свою сверх хитрую силу. Вверх потянулось томное облако дыма. Все миномётчики замерли, возле поломанного орудия. Над траншеей потянулась едкая, бело-серая пыль. Северьян, держась за винтовку, бегло осмотрел котлован. В разных сторонах лежали обугленные тела. Один неживой солдат сидел возле орудия. И, казалось, готовился стрелять. Но уже не мог. Его маскхалат сильно порвался. И тянулся белый, пепельный, а то и тёмный дымок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.